

18+

ГАЛИНА
МИЛОГРАДСКАЯ

Простить НЕВЕРНУЮ

Галина Милоградская

Простить неверную

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69424672

SelfPub; 2023

Аннотация

Три года назад она изменила мне с лучшим другом и бросила нас с дочерью, исчезла, как не было. Мы научились жить заново, переехали из Питера в Москву, в моей жизни появилась новая любовь... А на пороге квартиры возникла старая, и теперь она хочет вернуться и вернуть семью. Дочка тоже хочет вернуть маму, а я? Пытаться склеить старое или рвать по живому? Не знаю, смогу ли я простить неверную. От автора: #измена_жены#эмоции_на_границах#предательство#серая_мораль#гор

Содержание

Первая глава	4
Вторая глава	13
Третья глава	21
Четвёртая глава	30
Пятая глава	36
Шестая глава	43
Седьмая глава	51
Восьмая глава	57
Девятая глава	65
Десятая глава	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Галина Милоградская

Простить неверную

Первая глава

Ночной Питер проплывал за окном, опустить бы сейчас стекло и дышать до дрожи знакомым воздухом. Жаль, ещё холодно. Дома больше месяца не был, соскучился дико! Диана всегда любила сюрпризы: только утром разговаривал с ней из Сингапура, а сейчас в получасе от дома. От предвкушения внутри всё дрожало, как каждый раз перед встречей. Шесть лет женаты, но я всё ещё был влюблён, как мальчишка, хоть за тридцать давно перевалило. Прекрасная, как древнеримская богиня, моя Диана до сих пор одним только взглядом дух из тела выбивала. На сиденье рядом лежал большой букет пионов – всё, как она любит. Настя у бабушки, а значит, сегодня у нас будет жаркая ночь после долгой разлуки.

Два часа ночи. Диана точно ещё не спала, она вообще у меня сова. Ночами за компьютером или с планшетом – рисует на заказ. Так что точно знал, что не разбужу. Такси при тормозило у дома, я расплатился и первым делом глаза вверх поднял: в спальне горел ночник, ну точно опять эскизы набрасывает! Дом у нас в историческом центре расположился, я лично квартиру выбирал, чтобы престиж, что так Диане

нравится, с историей сочетался.

Тихо-тихо, почти не дыша, я повернул ключ и замер, когда за спиной щёлкнул замок. Разулся и на носочках пошёл по тёмному коридору к тонкой полоске света, что выбивалась из приоткрытой двери. Глубоко вздохнул, представляя, как она улыбкой засветится, а потом шутливо ругать будет, что не предупредил. Перехватил цветы удобнее, заглянул в спальню... И улыбка на губах намертво застыла.

Диана моя на кровати раскинулась, тонкая полоска чёрных трусиков – единственное, что на ней осталось. Сверху по пояс голый мужчина, губами по груди её скользит, шепчет что-то. Её руки на его плечах, медные волосы по подушке разметались. Вокруг одежда разбросана, на столе бутылка вина и два бокала, из колонки тихая музыка. И запах густой: страсти, вперемешку с духами.

Слышал когда-то, что внутри всё умереть может. Теперь точно знал – может, и умирает. Прямо сейчас, с каждым новым ударом сердца. Диана меня заметила, глаза распахнула, сбросила с себя чужое тело, и то, что во мне ещё живым было, прямо сейчас замертво упало, потому что я Его знал.

– Витя! – она резко села, лихорадочно натягивая на грудь сбившуюся простынку. И тот, кого другом детства считал, глаза спрятал, отвернулся.

– Сюрприз, – сказал я холодно. Подошёл к кровати и аккуратно опустил на неё букет. Вышел, с каждым шагом всё больше каменя. Стук сердца постепенно стихал, за шумом

крови в ушах стал почти неразличим.

– Вить, постой! Подожди! Это не то... – Диана выбежала, босыми ногами по полу шлёпая, замерла за спиной.

– Что я подумал, – продолжил за неё, не оборачиваясь. Зажёг свет в коридоре, только сейчас заметил чужие ботинки. Сюрприз удался...

– Вить, это правда не то, что ты подумал. – К чему эти жалкие оправдания? Неужели не понимает, что ими только себя унижает? Меня унизить сильнее было уже невозможно.

– Я в гостинце переночую, завтра поговорим. – Не удержавшись, обернулся, посмотрел на неё, впитывая до самой крохотной детали: волосы по плечами и груди рассыпались, глаза голубые, распахнутые, и губы пухлые, зацелованные. Диана всё ещё куталась в простыню, машинально вспомнил, как вместе это бельё выбирали. А Глеб из спальни выходить не спешил. Испугался, что ли?

Лязгнула дверь за спиной. Спускался на негнущихся ногах, перед глазами всё расплывалось. Мозг, привыкший информацию наперёд обрабатывать, чётко, как компьютер, сработал. Защитная реакция, которую я позволил, зная: дам слабину, и погребёт под случившимся. Продолжая спускаться, вызвал такси, прикидывая, где поблизости приличная гостиница, забронировал номер онлайн.

И только там, ото всех отгородившись, осторожно сел на край кровати, пытаюсь понять, как здесь оказался. Как вообще пришёл к тому, что это со мной произошло. Всё это

время верность хранил, о других даже думать не мог, только Диана, единственная в жизни и в сердце. А она, выходит... С ним... Как долго? Чем он лучше? Почему именно он?! В голове не укладывалось: как она могла так со мной поступить? Как они могли? Самые близкие, ближе нет и не будет уже. Лучший друг и любимая женщина. Что теперь? Дальше жить, – так все вокруг скажут. Объяснять придётся, выслушивать лицемерные соболезнования.

Я не вспыльчивый человек, Диана часто ворчала, что темперамента мало. Может, стоило скандал закатить? Морду набить, разбить что-нибудь? Может, тогда бы легче стало? Сейчас мне было никак. Пусто. Тонкий звон в голове, тупое безразличие. С лязгом одна за другой решётки внутри опускались, отсекая все ненужные эмоции. Но они рвались наружу, стискивая горло. Провёл дрожащей ладонью по лицу, чувствуя влагу на кончиках пальцев. Больно, не железный же.

Сполз на пол, колени к груди подтянул, зубами в ребро ладони впился, глуша рвущийся наружу звериный вой. Вот оно, значит, как: когда в ключья разрывает, резко и без предупреждения. Она... а он... и я... Вместо мыслей в голове кружился винегрет, составленный из обрывков сегодняшней ночи. По-детски захотелось проснуться утром, и чтобы это всё сном оказалось.

Воздух стал слишком густым, я глотал его жадно, широко рот распахивая, и никак вдохнуть полной грудью не получалось. Хотелось закончиться прямо здесь и сейчас. Жалкий.

Жалкий я, не удивительно, что она Глеба выбрала. Тот победителем по жизни был всегда, а я... Бизнес, деньги, влияние – всё ведь ради неё было. Чтобы не нуждалась ни в чём. Она моим локомотивом была, толкала, наполняя топливом. И куда я теперь?..

К утру пришла жалкая мысль: а может, простить? Смешно. Ты ещё сам прощения попроси. Как там по сценарию: жена изменила, потому что муж пил, бил, не любил, изменял. Не было такого. Всё ей и дочке, всё для моих принцесс. Ни одной свободной минуты без мысли о семье. Выходит, эта семья только мне нужна была?

Пугал разговор с Настей. Дочке только четыре недавно исполнилось, как ей объяснить, что родители теперь не будут жить вместе? Диана Настю заберёт, тут без вариантов. У неё есть своя квартира, пусть и небольшая, заработок стабильный тоже имеется. А я в разъездах вечно. Может, договоримся жить под одной крышей соседями, чтобы дочку пока не травмировать? Знаю многих, кто так делает, чем мы хуже?

Захотелось двинуть самому себе. С силой, так, чтобы челюсть хрустнула. Расклеился, слабак, жалея себя – самому мерзко. Отец бы сейчас слова правильные нашёл, встряхнул. Его голос в голове отчётливо зазвучал. Суровый, поставленный голос отставного генерала:

– Расставляй приоритеты в верном порядке, Вить. Всегда только так.

Приоритет у меня сейчас остался один – Настя. Не поз-

волю её обидеть. И забрать у меня тоже не дам. Если Диана хочет свою жизнь с Глебом строить – пусть. Но он её отцом никогда не станет.

Измена на второй план отступила, пока о Насте и её будущем думал. Пока собирался и возвращался в квартиру, что с такой любовью вдвоём обставляли. Пока не наткнулся на тишину и пустые полки в шкафах: Диана ушла. Не захотела ничего объяснять, просто испарилась, как не было. Настины вещи все были на месте, через час тёща, Наталья Николаевна, позвонила, спросила, когда приеду дочку забирать.

– А Диана вам ничего не сказала? – осторожно уточнил, надеясь, что к маме уехала.

– Сказала, – удивилась тёща. – Что у неё выгодный контракт появился, уехала в Испанию на месяц.

– Точно, – повторил тупо. – В Испанию.

Что ж, через месяц вернётся, поговорим. Нам обоим необходимо время, чтобы решить, как дальше быть.

От Глеба пропущенных на телефоне около двадцати штук за несколько часов набралось. Он не сдавался, звонил каждый день, а через неделю к офису пришёл, поймал в дверях, когда я на улицу вышел.

– Вить, дай мне всё объяснить!

Пришлось остановиться: рабочий день закончился, сотрудники уходили, слухи поползут лишние. По-хорошему нам правда поговорить надо было, только я смотреть на Глеба не мог. Ни смотреть, ни слушать, ни воздухом одним ды-

шать.

– Диана не виновата, – сказал он. А меня смех распирать начал: благородный защитник! Пусть ещё скажет, что силой взять пытался, прямо здесь в морду заряжу, и плевать на то, что люди подумают. Сдержался, а внутри всё кипело и плавило, ещё немного, и жаром дышать бы начал.

– Не веришь? Бля, реально звучит смешно. – Глеб взъерошил короткие волосы, растерянно оглядываясь. – Слушай, пойдём посидим, а? Поговорим нормально. Можешь морду мне набить, заслужил.

Вот после этих слов желание вмазать испарилось, как не было. И злость стихла, будто водой ледяной окатили. Человек, с первого класса близким бывший, вдруг чужим стал, как по щелчку.

– Нам не о чем разговаривать, – произнёс я, плечом задевая и направляясь на стоянку. Глеб меня слишком хорошо знал, что б его. Не побежал следом, не просил, так и остался стоять посреди улицы. Уже в машине я выдохнул, опустил голову на руль и сидел так, пока дрожь не отпустила. Не осталось у меня больше друга. Жена, может, ещё и будет, а друга больше нет.

Пришлось няню нанять – работу никто не отменял. На вопросы Настины отвечал, что мама по делам уехала, скоро вернётся. Не вернулась. Ни через месяц, ни через три, ни через полгода. Всем вокруг уже давно стало ясно: жена меня бросила. Догадки на фирме строились разные, от «я тиран,

хорошо, что вовремя свалила» до «бедный, бросила, стерва!». Поговорить об этом было не с кем, друзей нет. Глеб тоже испарился. Может, грелся где-то с Дианой под солнцем Кастилии.

Время шло, а я её ждал. Сначала злился, потом ненавидел, потом говорил себе, что всё прощу, лишь бы рядом была. Прошёл через все стадии принятия, как по грёбанному учебнику психологии.

– Вить, ну ты же понимаешь, что Диана не одна виновата...

Тёща шарманку заводила при каждой встрече. Сперва меня вообще удивляло, что она Диану защищает. Как бы: что тут защищать, когда всё ясно? Со временем понял – меня тут виноватым во всём сделали. А Диана, ну... Венера была в Меркурии, карты не так сложились, затмение нашло и ещё сотня предположений, за которыми одно кроется: сам ты, Витя, накосячил, а теперь получай. За что только получил, никто до сих пор так и не объяснил.

Окончательно смирился через три года.

Закрыв квартиру, передал бизнес в Питере партнёру Павлу, забрал Настю и переехал навстречу новой жизни в Москву. Там у нас филиал давно был открыт, пришло время начать всё сначала. Дочка в первый класс пойдёт, у неё тоже всё заново начнётся – не было у меня больше сил смотреть в её грустные глаза и придумывать для мамы отговорки о работе. Почему она Насте до сих пор правду не сказала – понятия не

имел, но хотелось верить, что причины у нас одинаковые.

Диана звонила порой, когда Настя у бабушки, и после этих звонков ещё сильнее убить её хотелось: видела бы, до чего ребёнка доводит обещаниями пустыми. Приезжала несколько раз. Меня избегала, словно не было. Я же, идиот, до сих пор на развод не подал, хотя давно ни на что не надеялся. Теперь и этот вопрос надо будет решать. Устроился на новом месте, пора заняться. Пусть Диана катится к чёрту, официально я теперь стал отцом-одиночкой.

Вторая глава

День с утра не задался. Телефон за два часа успел раскаться. И ведь предупредил всех сегодня не дёргать: у дочки первый раз в первый класс, сегодня её день. Но почему-то именно сегодня новый партнёр объявился, тот, что долю у Павла выкупил. Меня вообще перед фактом поставили, словно так и надо.

Фирма у нас солидная, занималась застройкой старых кварталов. В Питере больше по новостройкам в пригороде специализировались, чтобы хороший контракт охватить, поездить пришлось. Знал бы три года назад, что та конференция по городскому строительству в Сингапуре так обернётся, дома бы сидел... Но сейчас чужой опыт на руку сыграл: в Москве идёт большая стройка, реновация в самом разгаре. Наш проект нового района выиграл, дела в гору пошли, и вдруг новость о продаже доли. Не мог Павел предупредить?

– Виктор Маркович, вас ждут в Bamboo Bar в два.

– Замечательный выбор, – процедил я раздражённо. Пальмы, аквариумы, дешёвая экзотика за большие деньги. Не лучший выбор для деловой встречи. Секретарша Кристина только сочувствующе вздохнула в трубку. – О новом владельце по-прежнему ничего не известно?

– Нет. Думаю, это было условием покупки.

Условием. На хер такие условия, детский сад какой-то! До

сих пор даже имени его не узнал! Настя расстроится. Надо постараться вырваться поскорее, хотя бы вечером куда-нибудь вдвоём сходим.

Перед школой было не припарковаться, всё забито. Пришлось сделать три круга по району, прежде чем нашёл место. Посмотрел на часы – уже опаздываю. Перед воротами собралась толпа старшеклассников, у них сегодня последнее первое сентября. Неужели Настя когда-нибудь такой будет: взрослой? Даже представить это было страшно. Пробравшись сквозь них, я обогнул школу, вышел на площадку, где от шариков в глазах начало рябить. Громко играли школьные песни, и ностальгия сама собой в грудь пробралась.словно на своём празднике очутился. Глеб тогда пол класса подговорил к нему после линейки пойти. А я впервые поцеловался. С одноклассницей Юлей. Двадцать лет почти прошло, а как сейчас всё помнилось.

Телефон опять зазвонил. Я посмотрел на него, как на врага народа.

– Слушаю.

Менеджеру срочно понадобилось согласовать сроки старта продаж с котлована. Пока я говорил, искал глазами Настю, но первоклашек было так много, и все они в одинаковой форме, что глаза разбежались.

– Папа!

Настин голос узнал бы из тысячи. Посмотрел на неё, и в груди тепло стало. Кажется, с возрастом я стал сентимен-

тальной. Не надо расти ей, уже и так совсем взрослая. Серьёзная такая. Рядом с ней заметил учительницу – видел фотографию на сайте. Невысокая, светленькая, с мягкой улыбкой. Такая, какой и должна быть первая учительница. Одета была стильно, но это и не удивительно: в эту школу с улицы не берут. Интересно, какой счёт она каждый месяц выставит? Явно не бедствует. О поборах в школе от мамы давно знал: она терапевт у меня, привыкла жалобы пациентов слушать. Сколько надо, столько и буду платить, только пусть к Насте нормально относится.

Пока детей в линейку выстраивали, пробежался взглядом по родителям. Сам не знал, на что надеюсь. Может, что у Дианы вдруг совесть проснулась? Неужели даже этот день, самый важный, пропустит? Пропустила.

Мысли о разрушенном браке почти не посещали, выработал иммунитет. Альбом со свадебными фотографиями где-то в шкафу пылился, папки из рабочего стола давно в архив перекочевали. Как не было Дианы в нашей жизни. Если бы не Настя, как две капли воды на неё похожая, и вовсе забыл бы. Пока не получалось. Всё в дочке от Дианы досталось: жесты, мимика, интонация, с которой говорила порой так, что сердце сжималось. Только глаза мои, зелёные. У Дианы голубые были.

Часто приходилось слышать: отцу-одиночке проще, чем матери. Когда деньги есть на няню, можно работе всё время посвящать, да ещё и личной жизнью заниматься. Бред всё

это. Может, кто-то так и живёт, но это не про меня. Да, работа много времени занимала, но всё свободное время только Насте принадлежало, и только. Думать о других женщинах не было ни времени, ни желания. Да и Настя к этому вопросу болезненно относилась. Стоит посмотреть фильм, где папа другую маму нашёл, сразу в слёзы. Верила, что Диана вернётся. Сука. За каждую слезинку дочкину страдать бы заставил.

Изменился за эти годы, и сейчас та ночь точно скандалом бы закончилась. Не за себя – за Настю было больно. Видеть бывшую не хотел, наплевать, как жила всё это время. Разведут нас и без её присутствия, три раза суд пропустит, и прощай, Диана, живи как хочешь. Ещё и прав родительских лишу, пусть дальше задницей вертит и жизнь личную устраивает.

Тишина на площадке из мыслей выдернула. Вполуха слушал вступительную речь директора, а сам с Насти глаз не сводил. Когда первый звонок зазвенел в руках маленькой первоклашки на плече одиннадцатиклассника, глаза сами собой от слёз затуманились. Ну, не железный я, и хрен с ним. Тут у всех родителей глаза были на мокром месте. После линейки детей в школу завели на классный час. До встречи с новым партнёром ещё прилично времени оставалось.

– Вот и выросла наша девочка, Виктор Маркович, – вытерла слёзы наша няня. Мы с Настей так и называли её: наша, потому что за эти три года членом семьи стала. Жила

почти всё время с нами: собственные дети давно выросли, но внуками пока не радовали, муж умер. Вот и стала Софья Львовна нашей третьей бабушкой. Даже с нами из Питера переехать согласилась, свою квартиру сдала.

– И не говорите, – ответил я, улыбаясь. Светлая грусть сжала что-то в груди. Так себя чувствуешь, когда начинаешь понимать, как всё-таки быстро летит время? Не успею оглянуться, и Настя школу закончит. Потом институт, замуж, свои дети... Далеко заглянул, даже испугаться успел.

– Софья Львовна, мне уехать скоро придётся, – сказал, а у самого внутри всё перевернулось. Но она женщина понимающая, вот и сейчас посмотрела и улыбнулась:

– Ничего, мы погуляем до вечера, а на ужин я что-нибудь праздничное приготовлю. Вы же к ужину вернётесь?

– Обязательно, – пообещал серьёзно. Надо будет Насте купить что-нибудь в подарок. Что там она хотела недавно? Как эти игрушки дикие называются? Попытался вспомнить, говорила же! У няни спрашивать не хотелось, и так не отец-молодец сегодня.

– Смотрите, уже освободились, – отвлекла она. Дети как раз из школы выходить начали, учительница с ними, Настя рядом, как на верёвочке привязанная. Родители потянулись вперёд, мы же остались терпеливо ждать, пока толпа схлынет. Подошли последними.

– Здравствуйте. Я Виктория Максимовна.

Голос у учительницы оказался приятный, мягкий, постав-

ленный.

– Виктор.

– Голицын? – зачем-то уточнила она.

– Да, – ответил я настороженно. – Что-то не так?

– Нет. Просто фамилия знакомая.

– Бывает. – Пожав плечами, я протянул Насте руку: – Ну что, идём, мыш? До свидания.

Странная она, Виктория Максимовна. Чем ей наша фамилия не угодила? Чувствовал её взгляд, пока мы шли к Софье Львовне. Едва сдержался, чтобы не обернуться. Дружить нам без надобности, но нормальные отношения поддерживать придётся.

– Виктор Маркович! – она окликнула, когда мы успели отойти на несколько шагов. Подошла, быстро ногами в юбке-карандаше перебирая. – Забыла сказать: вы не оставили свой номер. Надо вас в родительский чат добавить.

– Это обязательно? – протянул с сомнением. Я в рабочий-то чат через день заглядывал, а тут родительский, с кучей мамаш истеричных. – Может, лучше Софью Львовну добавите? Это наша няня.

– Нет, – голос из мягкого вдруг железным стал. Словно сквозь бархат лезвия проглянули и блеснули зловеще. – Это чат только для родителей. Или вы не будете участвовать в школьной жизни ребёнка? Может, тогда маму добавим?

– Нет, – пришла моя очередь холодным тоном меряться. Продиктовал номер, дождался оповещения о добавлении.

– В пятницу у нас родительское собрание. Первое, – сказала она с нажимом. – Будет хорошо, если вы найдёте время и поприсутствуете.

– Постараюсь. – Этот напор начал раздражать. Поприсутствуете. Уже, небось, смету составила, сколько и чего в класс срочно и именно в этом году понадобилось. Что там просят обычно? Шторы новые? Парты? Школа элитная, тут, наверное, ноутбуки всему классу закупить потребуют, или сразу очки виртуальной реальности, чтобы не мелочиться.

– В семь. Но я эту информацию в чате ещё продублирую.

– Буду ждать. – Не смог удержаться от лёгкого сарказма.

– Я тоже, – она ответила слишком дерзким для милой учительницы взглядом.

– Мне понравилась Виктория Максимовна, – сказала Настя, когда я вернулся к ним с няней. Они в стороне стояли, разговор не слышали.

– Милая девушка, – согласилась Софья Львовна.

Милая. Аж зубы заболели, такая милая. Ладно, схожу на это собрание один раз, не убудет. Чтобы потом она не говорила, какой у Насти отец не включённый. К тому же, мне это плюсом на суде станет, когда Диану родительских прав лишать буду.

– Мышь, мне сейчас уехать надо, – я присел перед Настей. Продолжил быстро, пока возражать не начала: – Но вечер только наш с тобой. Договорились?

Толкнулся лбом в её лоб, расслышал разочарованный

вздых, и сердце сжалось.

– Договорились, – кивнула. Что-что, а дочку я научил: слово держать умею.

Разберусь с партнёром и скорее домой, у нас сегодня всё-таки праздник.

Третья глава

Всегда любила первое сентября. После Нового года самый лучший праздник. Мама вечно шутила, что только ради этого я в учительницы пошла. Может быть. У меня первый класс в этой школе, четвёртый только выпустила другой, до сих пор по детям скучала. Все они своими стали, теперь их не увижу никогда. Может, на выпускной пригласят?.. Не знаю, это был мой первый выпуск. С родителями новых учеников на сборах уже встретились. С первого взгляда не определить, кто из них главный скандалист будет в чате, а на кого положиться можно. Все сейчас дружелюбные и улыбочивые.

В последнюю очередь добавили в класс ещё одну девочку, буквально за неделю до сентября. Что-то подсказывало – именно с её родителями могут быть проблемы. Школа у нас престижная, просто так с улицы не берут, очередь на четыре года вперёд расписана. А тут сам директор подошёл и предупредил, мол, так и так, Виктория Максимовна, принимайте пополнение.

Смотрела на эту девочку в толпе остальных первоклашек, но пока ничего странного не заметила. Оно и понятно, дети все взволнованы, глазами в толпе родителей ищут, машут, кричат что-то. Она стояла, крепко букет в руках сжимая, не улыбаясь. Рыженькая, опрятная и, кажется, очень-очень несчастная. Ноги сами потянули ближе подойти – до линей-

ки ещё десять минут, время ещё было.

– Здравствуй. – Протянула руку, когда девочка глаза подняла. Мама дорогая, какие зелёные! Такой цвет вообще настоящим бывает? – Я Виктория Максимовна, твоя учительница. А ты Настя, да?

– Да, – серьёзно кивнула она и по-взрослому уверенно ответила на рукопожатие. – Анастасия Викторовна Голицына.

– Вот это фамилия! – улыбнулась я восхищенно. – Знаешь, какая она знаменитая?

– Знаю, – спокойно ответила Настя. – Мы – потомки дворян, так папа и бабушка Вера говорят.

– Ого! – протянула уважительно. В груди зрело нехорошее предчувствие: кажется, возни с Настей не оберёшься. Если долбили снобизм с детства, девочке сложно придётся. – А ты откуда?

– Из Санкт-Петербурга.

Понятно. Точно сложно будет. Ну ничего, справлюсь. Сложности нужны, чтобы их преодолевать.

– А где твои родители? – захотелось взглянуть на этих псевдо-дворян, всё равно отношения налаживать придётся.

– Папа обещал приехать, но как всегда опаздывает.

Тоска прорвалась и в ответе, и в глазах расплескалась. Мне вдруг стало жалко Настю: наверняка где-то рядом няня маячит. Родители у нас все занятые и важные, но хоть один да нашёл время на первое сентября ребёнка время выделить. А тут... Ясно всё с ними, неприязнь против воли поднялась.

– Папа! – закричала вдруг Настя. Невольно обернувшись, я увидела высокого мужчину. Очень высокого – над всеми родителями на голову, не меньше, возвышался. Каштановые волосы были уложены мягкими волнами, в руках телефон – кто бы сомневался.

– Папа! – снова закричала Настя, и он телефон от уха убрал и улыбнулся. Так улыбнулся, что дух захватило. Рукой в ответ помахал, перевёл на меня взгляд и мигом стал серьёзным. Сухо кивнул, снова к дочке отвернулся. Ну конечно, кто я для него? Всего лишь учительница, что с его дочкой будет каждый день столько времени проводить, сколько он сам и за год не проведёт. Не привыкла судить людей по первой встрече, но тут неприязнь сама собой зародилась. Тяжело нам с ним придётся, точно тяжело.

Классный час пролетел быстро. Дети галдели, обсуждали всё подряд: школу, у кого ручка красивее, у кого место лучше. Про себя взмолилась о терпении – не зря говорят, что каждый новый набор, как новый ребёнок. Прошло четыре года, ты уже забыла, каково это – с младенцем возиться, ещё одного захотела, и всё по новой. Приучать к дисциплине, к тишине и порядку, к тому, что взрослого слушать надо несмотря ни на что. Поэтому я позволила детям пошуметь первые пять минут (время засекла), потом поднялась и громко, отчётливо сказала:

– Тихо, ребята!

Услышали, конечно, не все и не сразу, поэтому пришлось

подойти к каждому, склониться и сказать на ухо:

– Учитель сказал тихо.

После таких внушений даже самые громкие быстро смолкли, пока не подошла. Я улыбнулась приветливо, представилась, точно зная, что никто с первого дня имени не запомнит. Заскользила глазами по бейджикам на форме – мне же тоже каждого запомнить надо. И чем скорее, тем лучше. Нескольких уже узнала, но не лично: родители постарались. Три самых активных мамочки: Ногач, Подольцева, Мельницкая. Как только с составом детей определились, они первыми чат создали и день через день обсуждали, как первое сентября отметить и куда детей сводить. Благо, нашлись родители, которые сказали, что кафе для первого дня в школе – перебор. И я с ними была полностью согласна. А сейчас смотрела на их детей: Платона, Свету и Диму, заранее представляя, сколько придётся копий об активных мам сломать. По опыту знаю: такие будут чаще детей в школу ходить и требовать, чтобы им объяснили, как и что решать. Потому что ребёнку сложно, а надо, чтобы пятёрки были. Мама всегда говорила, что это самое сложное в профессии учителя: учить родителей отпускать детей в свободное плавание. Хотя есть такие, кому не просто отпускать не требуется – сами детей давно отпустили.

Кажется, отец Насти Голицыной как раз из таких. Няню в родительский чат вместо родителей добавлять – это что-то новенькое. Обычно в первый год занятые родители пытаются

ся хотя бы делать вид, что заинтересованы. Вторая сторона сложных родителей...

Видела я таких, как этот Голицын. Самоуверенный, знает себе цену, но больше – цену своим деньгам. И времени у него на ребёнка никогда не было, нет и не будет. Хотя почему мама не пришла, другой вопрос. Но отчего-то с мамы сразу спрос меньше, наверное, пресловутая женская солидарность включилась.

Я проводила глазами высокую фигуру и тут же эти самые глаза закатила: кто бы сомневался, что няня с дочкой в одну сторону пошли, а он в другую. Пообещала себе, что к Насте обязательно подход найду, хотелось верить, что мы подружимся.

Телефон в кармане взорвался громким криком саундтрека из аниме. Блин, надо бы вспомнить, что каникулы закончились, и пора менять рингтон, ведь учительнице нельзя такие песни на звонок ставить.

– Ну что, отмучилась со своими крысёнышами?

– Лен, ну мы же договорились не называть так детей, – ответила я со смехом. Но на всякий случай оглянулась: нет ли кого из родителей поблизости?

– Ладно-ладно. Когда освободишься? Я заеду. И не вздумай отказываться, у меня, между прочим, день рождения сегодня, если ты не забыла.

Как тут забудешь про день рождения лучшей подруги? С Ленкой мы дружили с рождения, двадцать семь лет в этом

году отмечать будем. Она у меня из тех, на кого смотришь и белой завистью завидуешь. Яркая, как фейерверк, и такая же запоминающаяся, не то что я. У Ленки и волосы цвет меняли в зависимости от сезона, и сама она всегда была как ртуть подвижная. Устроилась работать в солидной лаборатории крупного медицинского холдинга, умеет говорить в лоб, даже если правда неудобная. В каждом новом романе всю себя отдавала, а отпускала легко, без лишних слёз. Я очень любила Ленку, жаль, мне такой никогда не стать...

– Эй, ну что ты там, идёшь? Меня сейчас за парковку оштрафуют!

Легка на помине. Высунувшись из окна, закричала, не обращая внимание на прохожих. Хорошо хоть я попросила её в паре кварталов от школы остановиться. Её мятный мини купер и так внимание привлёк, а вдобавок с красными волосами и жёлтым худи получился сумасшедший светофор.

– Что за старческие туфли? – выдала Ленка, когда я села на пассажирское сидение. Брезгливо ткнув в носок классических бежевых лодочек острым ноготком, она поморщилась. – Викусик, ну правда, тебя эта хрень на десять лет сразу старит. Нет бы прийти на двенадцатисантиметровых шпильках в мини. Все ученики бы твоими стали!

– Ага, – фыркнула я, представив, – выпускники, да? На первые пять минут, пока меня не уволят.

– Да понимаю, не дура, – цокнула Ленка и достала вейп. Глубоко затянулась, наполняя салон запахом манго и хвои. –

Поехали в Бабму, выпьем по паре коктейлей, а потом завезу тебя переодеться. У нас сегодня ночной рейд по клубам в планах.

– А у меня завтра работа, – осадил я, тоскливо вздыхая: почему кому-то праздник, а кому-то с места в карьер и до финиша загнанной лошастью мчаться?

– Завтра суббота, – строго сказала Ленка. – И не надо мне заливать, что тебе в воскресенье надо сдать стопятьсот отчётов по успеваемости, учебный план на год и схему по завоеванию мира. Завтра сделаешь свои дела, а сегодня оторвёмся.

Спорить с Ленкой всегда было сложно, она прёт напролом. Я, конечно, говорить «нет» умею, но не в этот раз. Права она, и знала это.

Пока ехали, отвечала на многочисленные вопросы в чате. Уже посыпались, хотя я всё объяснила родителям, а ученикам выдала распечатанную памятку, где большими буквами написано, что надо принести в понедельник. Ожидаемо, треть учеников эту памятку уже потеряли, вторая треть отдала родителям, но им надо уточнить, вдруг они что-то не так поняли. Оставшиеся, слава богам, молчали. Видимо, сами во всём разобрались. Голова уже гудеть начала, глаз потихоньку дёргался от каждого тихого «бзнь» в телефоне.

– Вик, они вообще знают, что такое «рабочее время»? – простонала Лена, потягивая ярко-синий коктейль.

– Нет, – вздохнула я. Да, об этих вечных буднях за лето то-

же благополучно забыла. — Некоторые и в одиннадцать вечера могут написать. Учитель для них никогда не должен спать.

— Ага, а ещё срать, жрать и трахаться. Кстати о последнем, что там у тебя с Кирей?

Ленка всегда произносила его имя с грассирующей р, подражая чужой картавости.

— Да что там с ним... Ничего. Как в марте расстались, так и не виделись больше. Не писал, не звонил.

— Это я помню. Но думала, может, объявится к началу учебного года? Решит деньги вернуть...

— Не начинай, и так тошно. — Залпом допила коктейль, чувствуя, что он был явно не последним.

— Знаешь, для человека, которого кинули на пол ляма, ты слишком спокойна. Я бы...

— Тихо! — я резко пригнулась к столу, Ленка машинально повторила за мной.

— Ты чего? — зашептала, распахивая глаза.

— Там отец моей ученицы.

— Какой из них?

— Вон тот, высокий.

— Они оба высокие!

— Тот, что выше!

— Фига се, генофонд нации!

Голицын ушёл, не заметив нас за пальмой, а меня вдруг на смех пробрало: хороша учительница. Едва школьные двери закрылись, уже на столе лежит. Выдохнула, выпрямилась и

решиительно сказала:

– Ладно. Поехали день рождения отмечать, что ли.

Четвёртая глава

Выбор первого места для встречи говорит о человеке больше тысячи слов. Кафе-бар прямиком из тропиков, официантки бы ещё хулу начали танцевать и венки на шею вешать, вышло бы сто процентное погружение. Ответив администратору зала, что меня ждут, я пробирался по зелёным джунглям к дальнему столу у окна. Мужчина сидел спиной, голубой пиджак в тонкую белую клетку явно на заказ сшит.

– Здравствуйте, – сказал я, останавливаясь и протягивая руку. Она так и зависла в воздухе, когда мой новый партнёр поднял глаза и широко улыбнулся.

– Привет, Вить.

Я застыл, вытаращился на Глеба, горло спазмом сжало, ни одного слова не выдавить. Опустил руку, посмотрел на папку, лежащую на столе, и верхняя губа сама собой приподнялась, как у дикого зверя. Думал: отпустил и забыл. Трижды ха! От одного вида бывшего лучшего друга волосы на загривке дыбом встали.

– Я тоже очень рад тебя видеть, – продолжал улыбаться Глеб, показывая на кресло. – Присаживайся. Мы с тобой вроде как партнёры теперь, так что... Ну чего ты застыл? Садись, говорю, в ногах правды нет.

Машинально упал в кресло, глаз с Глеба отвести не в силах. Совсем не изменился, хотя с чего бы? Та же небреж-

ность, с которой всегда людям в душу забирался без усилий. И в глазах не насмешка – подкупающая искренность.

– Какого хера? – выдавил наконец сипло. Прочистил горло, продолжил уверенней: – Какого хера ты затеял?

– Смотрю, Москва питерский лоск с тебя постепенно смывает, – по-доброму усмехнулся Глеб. Перед ним кофе и десерт, передо мной – официантка с меню. Пришлось сделать заказ. Дождавшись, когда она уйдёт, он продолжил: – Я сперва не собирался в партнёры набиваться. Серьёзно, – Глеб поднял руки, словно защищаясь. – В этот раз точно не виновен. Ну, разве что косвенно.

Я молча поднял бровь, давая возможность высказаться. Уйти всегда успею.

– Давно в сторону столицы посматривал, да и за тобой, ладно, признаюсь, приглядывал.

– Надо же, – выплюнул ядовито, – совесть замучила?

– Да, – неожиданно серьёзно ответил Глеб. – Но дело не в этом. Говорю же: в Питере тесно стало, но по бабкам сходу большой проект тянуть... Сам понимаешь. Тут от твоего партнёра предложение поступило. Выгодное. Я, конечно, тот ещё мудака в твоих глазах, но от такого шанса только тупой откажется. Так что, – он преувеличенно тяжело вздохнул и поднял чашку, шутливо салютуя, – здравствуй, партнёр!

– Я выкуплю твою долю, – процедил я холодно, пока мозг лихорадочно работал, просчитывая, где можно взять необходимую сумму. А нигде. Новый кредит на развитие бизнеса

только взял, первые деньги с первой сдачей придут, а до неё ещё год-полтора, если никто палки в колеса ставить не будет. И Глеб это отлично понимал.

– Зачем? – спросил я, сжимая переносицу.

– Может, потому что мне тебя не хватало? – тихо спросил Глеб. – Может, потому что прощения попросить хочу? Или...

– Хватит, – оборвал, не в силах больше слушать. Резко поднялся. – Партнёры? Ок, пусть будет так. Но не жди, что снова друзьями станем.

Глеб послушно склонил голову, но тут же поднял и улыбнулся ещё шире, так, что показалось – щёки треснут.

– Спасибо, – произнёс с чувством. Руку протянул, но я демонстративно не заметил. Ушёл, как тогда, не обернувшись.

Внутри всё клокотало, желчь подкатывала к горлу, во рту горчило. Сев в машину, с силой ударил по рулю ладонью. Мудак! Не хватало ему меня, как же! Четыре года отсиживался, приглядывал. Сука! Сердце стучало барабаном, несколько раз с шумом выдохнул через нос – надо успокаиваться. Мы теперь партнёры, каждый день видеться придётся. Переживу, не маленький. Истерики закатывать не буду, морду бить – тем более. В прошлом, всё в прошлом. И Глеб, и Диана.

Невольно промелькнула мысль: вдруг она тоже внезапно объявится? Надежда – живучая сволочь, и я до сих пор не понял, как её убить. Сколько угодно мог говорить, что забыл

и не простил, но правда проще: не забыл и, может, простил. Тошнило от этого, но как заставить разлюбить? А хрен его знает. Говорят, время лечит. Только сколько его надо, этого времени, чтобы дыра в груди наконец затянулась?..

Встреча с Глебом всё-таки выбила из колеи. Я бесцельно колесил по городу, вместо того, чтобы к дочке спешить. Путался в вязких мыслях, как муха в сиропе, одно и то же по кругу, снова и снова. Пришёл в себя у какого-то клуба – неоновая вывеска била прямо в глаза. Успело стемнеть, который час вообще? Девять. Отлично, просто отец года! Настя ещё не спит, ждёт, а я даже подарок не купил. От злости на себя захотелось выть. Ладно, ещё могу успеть, вину заглажу. Завтра весь день вдвоём проведём. Едва машина тронулась с места, как под колёса две девицы бросились. Со злостью я ударил по клаксону, открыл окно:

– Под ноги смотреть надо!

– Глаза разуй, не видишь – зелёный? – огрызнулась красноволосая девица в ультра коротком мини. А из-за её плеча вторая выглянула, глаза огромные, испуганные. Учительница Настина. Отлично. Просто отлично. Не успела детей с линейки проводить, уже бухать пошла. Красноволосая подхватила учительницу и потянула за собой, но та постоянно оглядывалась, путаясь в длинных ногах. Утром каблук пониже был, а юбка подлиннее. Узнала, что ли? Сзади просигналили и, опомнившись, я поехал. Ладно, учитель – тоже человек, я не из тех, кто за фото в купальнике требует на костре сжечь.

И ей, наверное, сейчас неловко. Ну, упрекать не буду, сделаю вид, что не узнал, при встрече. Хотя спеси в ней явно стало поменьше, чем утром было.

Настя не спала – ждала. Виновато улыбнувшись, я протянул набор детской косметики – продавщица в Детском мире посоветовала. Когда дочкины глаза вспыхнули неподдельным счастьем, тихонько выдохнул, хотя вина не уменьшилась. И Софья Львовна с мягкой улыбкой сказала, что они уже поужинали, мне сейчас подогреет, отчего ещё муторнее стало.

– Прости, мышь, – сказал я, падая на диван рядом с ней. Сумасшедший день, а должен был стать праздником.

– Много работы? – не по-детски серьёзно спросила Настя. Кивнул, внутренне морщась за ложь. Если бы был занят, может, не так сильно в груди бы свербело.

– Пойдём завтра в парк? А потом в кино, хочешь?

– И ты весь день будешь со мной?

– Только с тобой, мышь. Даже телефон, если хочешь, дома оставлю.

– Не верю, – она улыбнулась, и дыра в груди привычно заныла – слишком улыбка знакомая. Дианина.

– Обещаю! – торжественно сцепив наши мизинцы, я звонко чмокнул её в лоб.

Вот тебе и праздник – ужин в одиночестве перед телевизором. По нему шло какое-то шоу – Софья Львовна смотрела до моего прихода. Некстати вспомнился Глеб, и кусок мяса

поперёк горла встал. С трудом проглотив, я решил, что ужин на сегодня подошёл к концу: потребность выпить и забыть-ся вспыхнула внезапно. Выпивал я редко, не было времени, но на такие вот случаи дома всегда что-то стояло. Выбрав бутылку односолодового виски, я пошёл в кабинет – Софья Львовна, конечно, поймёт, только не хочется при ней пить.

На столе фотография: мы с Настей полгода назад. За спиной Исаакий, над головой – голубое небо. Мы тогда долго по городу гуляли, привыкали к мысли, что скоро придётся попрощаться. Настя не сказала ни разу, но я знал: она переживала, что, если мы уедем, мама никогда нас не найдёт. Как будто мы прятались от неё хоть один день из этих трёх лет.

Виски обжёг горло, внутри разлилось приятное тепло, постепенно успокаивая нервы. Жизнь привыкла подкидывать дерьмо под ноги, не страшно. Переступлю и дальше пойду. К Глебу привыкну, а Диана... Завтра же с адвокатом свяжусь, сколько можно откладывать?

Пятая глава

Первая учебная неделя пролетела под визг, крики и попытки утихомирить вчерашних детсадовцев. Я всегда любила свою работу, правда, очень любила, но порой она же сводила с ума. К вечеру голова становилась чугуновой, но времени расслабляться никто не давал: отчёты, учебный план, педсовет с преувеличенно весёлым напутствием от директора о новых силах и новых вершинах. Хотелось завернуться в плед, сделать большую кружку чая и весь день смотреть сериалы. И плакать к концу недели тоже хотелось, но нельзя: впереди первое родительское собрание.

Детей потихоньку уже изучила. Кто тихий и спокойный, кто доставит больше всего проблем, кто усидчивый, а у кого шило в попе. Как и думала, с Настей Голицыной проблемы начались раньше всех. Когда стали знакомиться, она встала и первой же фразой подписала себе приговор:

– Я из Санкт-Петербурга, мои предки – дворяне.

Так её теперь и называли – дворянка. Детям слово было незнакомо, зацепились за него, как за ругательство, а Настя восприняла всё спокойно, объясняя каждому, что это значит. Мне всё ещё было её жалко, почему – сама не поняла. Опрятная, аккуратная и милая девочка, но показалась очень одинокой. Няня каждый день забирала, родителей я больше не видела, хотя за остальными почти всегда мамы приходи-

ли. Что ж, посмотрю сегодня, появится ли кто-то на собрании.

Родители собирались медленно, нехотя. Интересно, почему, в жизни пунктуальные, люди считают, что на собрание в школу можно опоздать? Уже пятнадцать минут шестого, а они всё тянулись, заглядывали в класс, улыбались виновато, проходя к партам, как нашкодившие ученики.

– Думаю, все, кто хотел, уже пришёл, – начала я, глядя на часы: половина шестого. Родители моментально подобрались, спасибо, что их хотя бы не пришлось призывать к порядку. Пока рассказывала о первых днях, смотрела на внимательные лица. Про своих детей всем слушать интересно и приятно, хорошо хоть пока о неприятном говорить не надо. Оценок в первом классе нет, о неуспеваемости судить рано.

– Простите, я опоздал. – Голицын появился в дверях, и в классе моментально стало тесно. Он оказался единственным отцом среди двадцати мамочек, и взгляды ожидаемо прикипели к нему. Не смущаясь, прошёл, сел за свободную парту. Первая перед учительским столом, никто так и не решился занять. Положил телефон рядом и поднял глаза, мол, продолжайте. От этого снисходительного взгляда внутри буря всколыхнулась. Словно я докладчик перед суровым директором. Едва слышно скрипнув зубами, я натянула самую приятную улыбку, возвращаясь к теме.

– В конце сентября наша школа обычно проводит праздник для первоклашек. Мы с ними поставим небольшой спек-

такль, так дети больше сплотятся и скорее подружатся. Выбором сказки предлагаю заняться вместе.

Шквал вопросов ожидаемо обрушился на голову. А какая сказка, а нужны ли костюмы, а когда праздник, а пустят ли родителей... Отвечала на всё по порядку, в сторону Голицына не смотрела, но его взгляд чувствовала постоянно. Оценивающий. Как будто примиряет на себя, прикидывает, достаточно ли у меня профессионализма для того, чтобы обучать драгоценную дочь. А ещё заметила, что мамочки нет-нет, да и смотрят на него. Но тут не смотреть было сложно: за маленькой партой он казался великаном в стране лилипутов.

Причёска идеальная, мягкие локоны лежат волнами, волосок к волоску. Дорогуший пиджак, даже присматриваться не надо, чтобы оценить примерную стоимость. Я себе такой смогу позволить, если буду жить полгода на одних дошираках. Телефон на столе постоянно вспыхивал оповещениями, но Голицын не отвлекался, внимательно слушал меня. Решилась посмотреть на него к концу собрания. И провалилась в невероятно зелёные глаза – вот они от кого у Насти!

– Прошу записать ваши данные. Полные имя, фамилию, отчество, кем работаете. Если есть ещё один контактный телефон, добавьте. Данные заполняйте и за себя, и за второго родителя.

Родители сосредоточенно засопели, прося друг у друга ручки, начиная заполнять чистые листы. Голицын, конечно, и тут выделился: достал из кожаной сумки серебряную имен-

ную ручку. Невольно задержалась взглядом на его пальцах. Длинные, ухоженные, ногти идеальной формы. Ему бы часы рекламировать, очень бы подошло. Может, он этим и занимается?

– Держите. – На стол опустился первый листок. Я невольно нахмурилась:

– Виктор Маркович, маму тоже надо вписать.

– А мамы у нас нет, – просто ответил он, и я душно покраснела. Бестактно спрашивать почему, наверняка история печальная. Теперь стало стыдно за мысли о нём и его вовлеченности в жизнь дочери. Отец-одиночка редкость, почти вымерший вид. Заметила, что мамочки тут же подобрались – одиноких среди них наверняка немало. Из единственного папы на собрании Голицын вмиг превратился в добычу, желанную и близкую.

– На этом, думаю, закончим, – сказала я, собирая листы. – Если остались какие-то вопросы, спрашивайте.

– Можно идти? – первым спросил Голицын. Дождавшись кивка, он моментально поднялся, сухо бросил «до свидания» и на ходу ответил на звонок. Из коридора донёсся его раздражённый голос:

– Я же сказал, что буду занят. Какого хрена ты мне названиваешь?!

Жалость к нему испарилась моментально. Не знаю, с кем он таким тоном разговаривал, но впечатление осталось неприятное. Таких людей насквозь видно: на людях вежли-

вый и спокойный, а на деле тиран и самодур, что в работе, что в личной жизни. Может, и мамы нет потому что ушла, к чему сразу о смерти думать?

Когда за последним родителем закрылась дверь, я облегчённо выдохнула. За окном было солнечно и тепло, там бурлила жизнь, а я тут застряла с данными, которые надо внести в электронный журнал. Итак, Голицын у нас строитель... Не строитель даже, застройщик. Тридцать пять лет, на восемь меня старше. Невольно вспомнила пронзительные зелёные глаза. Красивый он, что тут скрывать. Мама о таком сказала бы: «фактурный». Прямой нос, острые скулы, умный взгляд. На таких мужчин смотришь и в первую очередь думаешь, что фраза «как за каменной стеной» с них написана. Жаль только, что внешность не гарантирует покладистый характер.

Я закатила глаза: мне-то какое дело до его характера?! Не в мужа же себе выбираю. Уверена, что он и в школе-то больше не появится, разве что под конец учебного года. И всё-таки интересно, куда делась Настина мама? Если я её спрошу, а она умерла, это будет лишнее травмирующее напоминание для ребёнка. Если же она просто живёт в другом городе, нет ничего удивительного, что Голицын не стал записывать её данные. Кольца на пальце у него нет, это я сразу заметила.

Да что такое, в самом деле! Почему о нём столько мыслей? Как будто больше думать не о чем. Раздраженно отложила листок с его данными в сторону – последним внесу.

– Ну что, Викусик, на свободу с чистой совестью? – Лен-

кин звонок отвлѣк от монотонной работы, но я и рада была отвлечься. Перед глазами уже точки поплыли, может, стоит купить очки для компьютера?

– Покой нам только снится, – усмехнулась, потирая веки.

– Не против, если я сегодня заскочу? Потрындим за бокальчиком белого сухого.

– Заскакивай, – вздохнула я тяжело. Хорошая идея – вечером немного расслабиться. Обсудить прошедшую неделю и родителей. Нет, Голицына с Ленкой обсуждать точно не буду, у неё чутьё, как у гончей на охоте, сразу начнёт строить наше совместное будущее. К тому же, она его уже видела вживую.

– Знаешь, что, – забравшись на диван с ногами, Лена глобокомысленно покачивала в руке бокал. – Не надо тебе с этим Голицыным мутить.

Да, не выдержала и рассказала. И про то, что он одинокий, и про нахальный взгляд зелёных глаз, и про мамочек, что на него пялились.

– Почему? – спросила я, невольно заинтересовавшись. Такого вердикта от Ленки точно не ждала.

– Проблемный он. Может, бабки у тебя не украдёт, но дерьма может занести, не разгребёшь потом.

– Откуда такие выводы на основании скудных данных? – я рассмеялась, подливая вина. – Может, он приют для бездомных животных содержит, или волонтерит на кухне для

бездомных?

– Или заливает в бетон трупы конкурентов, – хмыкнула Ленка. – Нет, ну серьёзно, Викусик, он весь из себя такой деловой и занятой... Насмотрелись мы на таких, так что не тратить на него время.

– Я и не собиралась. – Ленкина забота откровенно забавляла. Ну точно, она нас уже свела вместе, а потом трагично развела.

– А вот друг его хорош, – внезапно сказала Ленка, закатывая глаза и томно вздыхая. – И улыбка у него открытая. Люблю таких. Сразу видно – шикарный мужик.

Друга Голицына я запомнила слабо – тогда от него под пальмой пряталась. Когда только Ленка рассмотреть успела, загадка.

– Короче, Викусик, хочешь завести роман, заводи с его другом.

– Да не нужен мне никакой роман! У меня на личную жизнь вообще времени нет!

– Тогда чего про своего Голицына весь вечер говоришь?

– Он не мой. И вообще, закрыли тему мужиков. Расскажи лучше, что там у тебя на работе интересного происходит. Ты говорила, какой-то прорыв грядёт.

Глаза Ленки загорелись, как всегда, стоит заговорить о любимой лаборатории и крысах в ней. Я облегчённо выдохнула: в самом деле, зачем про Голицына заговорила? Выбросить его из головы, и дело с концом.

Шестая глава

Отделять личное от профессионального я всегда умел, так, по крайней мере, раньше казалось. Диана ушла? Работаю. Накрыла депрессия? Пашу, как не в себя. Переезд, потоп, обвал и землетрясение – двигался вперёд, несмотря ни на что. Но один только вид Глеба, расхаживающего по офису со своей фирменной улыбкой заставлял мой поезд сходить с рельс. Бесило, как быстро он вписался в коллектив: словно всегда здесь был. Бесило, что предложения у него здравые, не подкопаешься. Бесило, что он постоянно пытается поймать мой взгляд, а, поймав, улыбается шире, будто искренне рад быть рядом.

Я не просил Глеба возвращаться в мою жизнь. Да что там, будь возможность, пинками бы погнал прочь, но он пролез сам, через форточку, и теперь приходится терпеть. Зато злость – отличный мотиватор. Визитка адвоката по семейным делам, лежавшая в столе уже два месяца, нашлась очень быстро. Боровецкого мне порекомендовал Роман Красилов, знакомый ещё по делам в Питере. Владелец крупного медицинского холдинга, вроде как счастливо женат, но, стоило о Диане заговорить, моментально подобрался.

– Контракт не заключали, надеюсь? Смотри, если он есть, прощай свобода.

Было что-то в словах Красилова, что заставило пригля-

даться к нему: нормальный мужик, открытый, дела иметь с таким приятно, а в глазах пусто. Видел я его жену пару раз, Алину. Эффектная, с мужа глаз не сводит. Но что там внутри? Диана тоже такой была когда-то.

Визитку я взял, поблагодарил, но никак не мог заставить себя позвонить. Пожалуй, стоит Глебу спасибо сказать, подтолкнул.

В приёмной Боровецкого меня встретил его помощник, извинился за то, что Аркадий Борисович задерживается, и предложил кофе. Спешить было некуда, я приехал на пятнадцать минут раньше, сам виноват. Как раз будет время отвлечься и успокоиться. Вот он, последний шаг, который окончательно сделает нас с Дианой чужими, как бы смешно и сентиментально это ни звучало. Всю ночь не спал, думал. А когда уснул – она приснилась. В свадебном платье, счастливая. И чужая.

Нужный сон, она ведь давно чужой стала. Но подсознание всё равно цеплялось за прошлое, не желало отпускать. Вырывать, так с корнем.

Бодрый мужчина за шестьдесят вышел из соседнего кабинета так стремительно, что я едва успел подняться навстречу. Рукопожатие у него оказалось тоже крепким, уверенным, а взгляд – цепким.

– Виктор Маркович? Роман говорил о вас, спасибо за доверие.

– Спасибо, что так быстро откликнулись.

Мы прошли в кабинет, удобно расположились за столом, передо мной появилась новая чашка с кофе. Благодарно кивнув незаметной секретарше, я моментально о ней забыл. Повернулся к Боровицкому, перевёл дыхание и медленно, отчётливо сказал:

– Хочу развестись с женой.

Тот молчал, ожидая подробностей. А я задумался: что сказать? Правду, конечно. Придётся её потом на суде говорить. Вдруг Настю начнут вызывать? От этой мысли в жар бросило.

– Она мне изменила и исчезла.

– Как давно? – деловито спросил Боровицкий, шустро делая пометки в большом блокноте с золотым тиснением. Надо же, не думал, что такими кто-то ещё пользуется, давно на планшеты перешли.

– Три года назад.

– И за это время ни разу не объявлялась?

– Я не видел. С дочерью виделась несколько раз, иногда ей звонит.

– Сколько дочери лет?

Вопросы вылетали, как пулемётная очередь, безжалостные и стремительные. Били прямо в цель, заставляя вытаскивать наружу всё, что предпочёл бы забыть. Когда Боровицкий замолчал, я потянулся к кофе, замечая, что руки слегка подрагивают. Давно меня так не потрошили.

– Вы не заключали брачный договор, значит, всё имуще-

ство будет поделено пополам. Но, — он поднял палец, на котором блеснул перстень, — если сможем доказать, что она фактически не являлась вашей женой последние три года, получится отделаться малой кровью.

— Какой кровью? — усмехнулся я. — У неё своего имущества полно, дочь не нужна.

— Хотите лишить её родительских прав?

— Хочу. — Я даже вперёд подался, упёрся локтями в колени. — Хочу, но не могу, Настю жалко. Она не заслужила. Если мать захочет определить время общения, препятствовать не стану.

— Это если мы найдём её. А искать придётся, вы же понимаете? Если бы не было ребёнка, было бы проще, а так только суд.

Это я прекрасно понимал. Мечтал только, чтобы новости в прессу не просочились. Громкий развод может больно ударить по компании. Партнёрам всё равно, а вот конкуренты могут раздуть из мухи слона, вывернуть всё так, что репутация пострадает. Отряхнусь, конечно, не впервой, но снова проходить через это не хочу.

От Боровицкого я уходил, крепко задумавшись над его словами. Будут искать Диану. Не исключено, что найдут, и... Мы снова увидимся. Хочется верить, что уже в суде.

Какая она сейчас? Сильно изменилась? Чем больше об этом думал, тем больше понимал, что образ размылся в голове, а голос давно перестал звучать в ушах. Я почти не пом-

нил, как она выглядит, только детали, мелкие и яркие. Даже улыбка и повадки Дианины, что Насте приписывал, всё же больше дочке принадлежали. Диана постепенно становилась фантомом, и всё, за что я цеплялся – воспоминания о чувствах и эмоциях, которые она мне дарила когда-то. Ключевым здесь было прошедшее время.

Наверное, это поход к адвокату так повлиял – легче дышать стало. Недосказанность давила годами, а тут – впереди замаячила свобода.

Когда вышел из офисного здания не сразу понял, что не так. Поднял глаза – с серого неба сыпалась какая-то мелкая труха, не похожая ни на дождь, ни на морось. До машины идти было недалеко, но пиджак успел намокнуть, а волосы облепили лоб и виски. Машинально поправил их, глядя в зеркало заднего вида, прикинул, сколько до дома добираться, покосился на папку с проектными декларациями, которые надо просмотреть и утвердить до послезавтра. Надо сказать Кристине, чтобы оставила окно на двадцать шестое – у Насти спектакль, вечерами только о нём и говорит. «Сказка о попе и о работнике его, Балде», где она будет играть чертёнка. Они с Софьей Львовной увлечённо шили костюм – наотрез отказались готовый покупать.

– Вот ещё, – возмутилась Софья Львовна. – Что я, рожки и хвост не сделаю? Не хватало ещё в магазине брать, где всё по одному лекалу.

Насте в школе нравилось, и это главное. В родительский

чат я не заглядывал, только чистил порой зашкаливающие за тысячу в день сообщения. Пару раз в обеденный перерыв глянул для интереса и тут же закрыл: было ощущение, что ты открыл дверь в портал ада, где все кричат друг на друга. Нет, это без меня.

Когда зазвонил телефон, я был уже на полпути к дому. Покосился на имя, не сразу понял, кто именно звонит. Включил громкую связь, маневрируя в потоке машин – дождь усилился, дворники непрерывно елозили по лобовому стеклу.

– Слушаю, Виктория Максимовна.

– Виктор Маркович, здравствуйте. – По телефону её голос звучал немного иначе, стал ровнее и глубже. – Простите, если отвлекаю.

– Что-то срочное? – прозвучало слишком грубо, поэтому добавил: – Просто я за рулём.

Она ответила после небольшой паузы, словно собиралась с духом.

– Дело в том, что нам нужна помощь.

– Сколько? – спросил, прежде чем успел подумать. Ну, а какая помощь ещё им может быть нужна? Видел же в чате, как родители верещали, договариваясь о каких-то суммах. Каких именно – вникать не стал.

– Не сколько, – а вот теперь я её узнал. Те же ледяные нотки, что в день нашей первой встречи прорезались. – Нужна мужская помощь, а никто из пап не откликнулся. Надо собрать декорации.

«А вы сами молоток держать не умеете?» – ехидно прозвучало в голове, но там и осталось. Обычная просьба, помню, мой отец тоже в школу приходил помогать. Особенно чётко это в конце девяностых запомнилось, когда из-за терактов в жилых домах люди по ночам в школах дежурили... Но декорации сбивать – это не террористов по ночам выслеживать.

– Я могу отправить вам пару строителей, – протянул, прикидывая, кого можно выдернуть на пару часов сверхурочных. Представил, как вытягиваются их лица, и поморщился. Молодец, начальник, сам, выходит, не умеет ни хера, а всё туда же – командовать. – Хотя нет, подождите. Когда вам помощь нужна?

– В субботу. Мы в понедельник хотим начать репетировать на сцене. Хотелось бы, чтобы дети не вокруг стульев бегали, – сухо ответила Виктория Максимовна.

В субботу у меня выезд на два объекта и обед с проектировщиком. А вечером с Настей и Софьей Львовной запланирован вечер настольных игр. И когда прикажете выкраивать время?

– Хотелось бы больше конкретики.

– Часов в десять можно было бы...

– В десять не могу, занят.

– Тогда, может, ближе к обеду?

– В обед тоже, простите.

– Тогда зачем сказали, что сможете? Я не настаиваю, по-

прошу трудовика.

Глубокий вдох, медленный выдох. Вспыльчивая учительница нам с Настей попалась, надо бы дочку расспросить о её характере.

– Виктория Максимовна, если я сказал, что смогу, то смогу. Но вам придётся подстроиться под мой график. В субботу у меня окно примерно с трёх до пяти. Может, получится освободиться пораньше. Устраивает? Если нет, могу предложить воскресенье.

– Спасибо, суббота с трёх до пяти подойдёт, – доброжелательно ответила она. Слишком доброжелательно, я прямо почувствовал, как она желает мне скорой смерти в муках. Или хотя бы расстройства желудка.

– Тогда у меня к вам просьба: позвоните пожалуйста в пятницу ближе к вечеру и напомните мне.

– Непременно, – пропела она. – Всего хорошего, Виктор Маркович.

Я не успел ничего ответить – повесила трубку. Но сам тоже хорош: едва не сказал – свяжитесь с моим секретарём. Надо Кристину попросить, чтобы внесла в расписание, а то ведь правда забуду.

Седьмая глава

Телефон перелетел через комнату, ударился о диванную подушку и скатился на пол. Если бы были лишние деньги, разбила бы к чёрту, а потом ещё потопталась по экрану. После разговора с Голицыным хотелось убивать, я с трудом сдержалась, чтобы не послать его и его помощь, жаль, нельзя. Тогда могу, тогда не могу... Как будто у меня выходные резиновые! Пока он будет отсыпаться и неторопливо обедать, мне придётся в школу идти, до вечера там сидеть и его ждать. А ведь так надеялась, что к двенадцати уже буду свободна! От несправедливости и обиды слёзы навернулись на глаза. Почему все считают, что у учителей одна забота: двадцать четыре на семь думать о чужих детях?! Я, может, о своих хотела бы подумать, если бы они были. Но как появятся, когда на личную жизнь ни минуты нет? Накричав на ни в чём не повинного кота Леви, некстати подвернувшегося под ноги, я сделала огромную чашку кофе, назло диете соорудила большущий бутерброд с майонезом, ветчиной и сыром. Подумав, добавила сверху лист салата – клетчатка должна быть в рационе. Забралась на диван с ногами и открыла ноутбук.

Кто бы знал, что ставить детский спектакль так сложно? Я никогда не стремилась в режиссёры, но судьба решила за меня. После того, как Кирилл украл деньги и исчез, пришлось срочно искать новую работу, чтобы было чем платить за кре-

дит. Эти полмиллиона – всё, что осталось от продажи бабушкиной дачи под Коломной, я специально их оставила, как последний платёж за мамину операцию по замене межпозвоночных дисков. Пришлось срочно искать новое место работы – вопреки расхожему мнению, учителя в Москве получают ненамного больше тех же в Питере. Спасибо маминым связям, удалось устроиться в хорошую школу ещё и в квартале от дома, но брешь в бюджете до сих пор была слишком ощутимо.

В прежней школе мне нравилось, хоть и добираться приходилось полчаса на метро, а потом столько же на автобусе. Зато туда взяли вчерашнюю выпускницу без опыта, не задавая лишних вопросов. В новой всё было по-другому: сложно, страшно, ответственности больше, спрос, соответственно, в разы выше. Я дико боялась подвести маму, она у меня заслуженный педагог Москвы, не знаю, к каким уговорам прибегла, чтобы меня взяли. Да, почти под домом, десять минут пешком, но, блин, в центре, рядом с Патриками, каких только детишек нет.

Пусть я сама была одной из них: коренная москвичка в пятом поколении. Квартира от прадедушки досталась, если продать, можно безбедно где-нибудь в Краснодаре несколько лет жить и ничего не делать. И море рядом... О чём только мечтаю? Учебный год только начался, а уже сбежать хочется.

Вернувшись к ноутбуку, я открыла статью о детских постановках и на следующий час забыла и о чае, и о бутербро-

де. Ну да, в статье-то всё легко и понятно, не спектакль – сплошное развлечение. На деле же попробуй собери всех, убеди, что именно эта роль подходит, и нет, рыбок должно быть пять, а чертят восемь, а не наоборот. И принцесс тут нет и не будет. И стихи обязательно учить. Но больше пухла голова от родителей. Хотя мы и решили поставить не всю сказку, а только одну сцену, их бесконечные вопросы, требования уменьшить текст или дать другой, возмущения, почему у Дани так много слов, а у Никиты их нет сводили с ума.

А теперь ещё декорации эти... Директор перед фактом поставил, как само собой разумеющееся, что надо собрать сделанные на заказ фанерные домики. Может, остальные учителя давно привыкли, но я-то впервые столкнулась! Как впервые столкнулась и с невероятной занятостью буквально всех отцов. Точнее, тишиной, которая повисла в чате после моей просьбы о помощи. Единственный папа, с которым у меня была прямая связь, оказался в списке последним, и не зря.

Всегда знала, что питерцы те ещё снобы, но чтобы настолько: ставить удобные ему сроки, обставлять всё так, будто одолжение лично мне делает, говорить пренебрежительно, как от назойливой мухи отмахиваясь... Я с силой вцепилась зубами в бутерброд и подумала, что стоит навестить психиатра и попросить новый курс антидепрессантов, благо, старый давно закончился. Ещё пара месяцев, и я начну съезжать с катушек.

После предательства Кирилла поначалу думала, не выведу. Два года вместе прожили, только предложение он делать не спешил. Я не торопила. Поначалу это звучало как: сейчас ты освоишься на работе, а я раскручу бизнес, и тогда заживём как белые люди. Потом: Вик, ну сама подумай, какая нам сейчас семья, если мы ремонт до сих пор сделать не можем? Ремонт, к слову, в моей квартире, в которой он (это я поняла только сейчас) палец о палец не ударил. Дальше начались скандалы: бизнес-партнёр кинул, денег нет, а ты только требуешь, лучше бы помогла. В один прекрасный день Кирилл просто исчез, но я не успела вздохнуть с облегчением, чёрт дёрнул заглянуть в шкатулку с деньгами. Несколько минут просто тупо на неё смотрела, вспоминая, не переложила ли деньги в другое место. А ведь Ленка говорила, что надо в банк отнести... Кирилл пропал, а вместе с ним пропала моя самооценка и вера в людей. Только самым близким и проверенным можно доверять, остальных на держать на расстоянии вытянутой руки, если не дальше.

Невольно снова вспомнился Голицын. Будь я его женой, сама бы сбежала. Неплохо бы выяснить: он на самом деле разведён, или там всё-таки что-то трагичное? Любопытства ради ввела его имя в поисковую строку, особо не рассчитывая на успех. И обалдела от количества ссылок на деловые каналы. Ого, а он, оказывается, набирающая популярность знаменитость в Москве. Да и в Питере не последним человеком был, вошёл в топ десять застройщиков пять лет назад.

Я открыла фотографии: Голицын на стройке в каске, возвышается над всеми. С мэром Петербурга перед новым жилым комплексом. На награждении, как лучший застройщик года. И везде один. Женат – значилось в графе о личной жизни. О смерти жены ни слова, о разводе тоже. Загадка. Может, жена тяжело болеет?

Свернув окна, я раздражённо сдула упавшую на нос прядь волос. Зацепилась за него опять, он как репейник – раз проник в мысли, и не вытащишь...

Суббота пришла неминуемо, как бы сильно я её не оттягивала. В актовом зале гулко гуляло эхо, декорации были свалены в кучу на сцене. Я сидела на ней, свесив ноги, и рассматривала яркие рисунки на фанере. Никакого дресс-кода: сегодня надела джинсы, широкий свитшот и кеды. Не хватало ещё на каблуках и в юбке возиться.

Завуч по воспитательной работе давно ушла – мы встретились в девять, обсудили рабочие вопросы, и она убежала домой. А я сидела и ждала. Уже три часа ждала. Отложенные на потом дела давно подошли к концу, всё было заполнено, разложено, расставлено и подготовлено к новой рабочей неделе. Время тянулось слишком медленно. Только половина второго, ещё полтора часа!

Откинувшись на руках, я запрокинула голову и посмотрела в потолок. Скучно. Лежала бы сейчас дома на родном диванчике, гладила Леви... Хлопнула дверь, потянуло свежестью, звук стремительно приближающихся шагов взметнул-

ся к потолку. Я резко выпрямилась, глядя на Голицына. Он шёл по проходу, полы бежевого тренча развивались за спиной крыльями.

– Добрый день, – сказал, когда до меня осталось несколько шагов.

– Вы приехали раньше, – вместо приветствия вырвалось у меня. Радость взвихрилась, губы задрожали от сдерживаемой улыбки – неужели удастся попасть домой раньше?!

– Простите, – с лёгким раздражением ответил Голицын, снимая тренч и оставаясь в бордовом свитере тонкой вязки. В треугольном вырезе мелькнули острые ключицы.

– Нет, спасибо. – Ну нет, моё настроение уже не испортить! Я буду дома через два часа, во что бы то ни стало! Голицын удивлённо посмотрел на меня. Упавшая на лоб волнистая прядь зацепилась за ресницы. Длинные ресницы, – подумалось машинально.

– Просто хочется побыстрее оказаться дома в выходной, – пояснила я с лёгкой улыбкой. И, о боги, он улыбнулся в ответ! Да, именно боги, потому что другие не могут так улыбаться – словно солнечный луч проступил на хмуром небе.

– Понимаю. Я тоже не хотел бы задерживаться. – Он закатил рукава и вдруг потёр ладони. – Ну что, показывайте, где и что надо собирать.

Восьмая глава

Глеб стал постоянным раздражителем, и постепенно я начал подозревать, что только этого он и добивается. Почти каждый день нос к носу сталкиваться и делать вид, что всё в порядке оказалось выше моих сил. Слишком беззаботным он выглядел, точно зная, что ничего ему предъявить не могу, как бы ни хотелось. Умудрился очаровать весь женский коллектив, куда не зайдёшь, только и разговоров о новом партнёре.

После стройки в субботу пришлось заехать в офис, надеялся по-быстрому просмотреть документы, а наткнулся на набившую оскомину улыбку. Присев на край секретарского стола, Глеб вовсю флиртовал с Кристиной, она отвечала скромно опущенными глазами и смущённой улыбкой.

– ... а я подошёл к администратору и говорю... О, Вить, привет! Ты что здесь забыл? Мы тебя не ждали.

– Вообще-то это мой офис, – сухо ответил я, кивнув Кристине. На Глеба даже не взглянул – обойдётся. Но он, как та пиявка, следом потянулся, прикрыл за собой дверь, не обращая внимание на мой игнор.

– Раз приехал, давай обсудим, что там у нас с "Изумрудом".

– А что с ним не так?

Подойдя к столу, я начал перебирать бумаги, надеясь сре-

ди вчерашнего завала быстро отыскать нужное и забрать домой – и секунды лишней здесь не собираюсь задерживаться.

– С энергетиками договориться не можем, сдача дома задерживается, просрочим на месяц, придётся платить неустойку дольщикам.

– Три дня назад всё было в порядке. – Я нахмурился, с подозрением посмотрел на Глеба. Ну нет, не станет же он специально проблемы на пустом месте разводить. Так-то здесь и его прибыль заложена.

– Вышло новое постановление. Я собирался предоставить отчёт в понедельник. – Глеб засунул руки в карманы и подошёл к окну.

– В понедельник, серьёзно? – Брови сами собой взлетели вверх. – Может, через месяц уже, чего мелочиться?

– До понедельника я бы всё решил, – пожал плечами Глеб и покосился на меня через плечо. – Я же мастер решать внезапные проблемы, помнишь?

Помню, конечно, как тут забудешь. Сперва в школе, потом в универе стоило возникнуть хоть какому-то препятствию, и Глеб легко его устранял. Он и альпинизмом занялся только ради того, чтобы вершины покорять, когда в обычной жизни не хватает. Позёр как он есть. Аж сплунуть захотелось.

– Тогда не понимаю, к чему вообще этот разговор, – сказал я сухо, вытаскивая нужную папку из стопки на столе. – Раз почти решил, молодец, возьми на полке пирожок.

– Понюхал? Положи обратно, – со смехом закончил

Глеб. – Года идут, а ты всё тот же. И шутки старые.

– Плоские? – неприязнь рвалась наружу, фасад деловой сдержанности постепенно начал покрываться трещинами. Он вёл себя как ни в чём не бывало, хотя далеко не идиот – смысл делать вид, что всё по-прежнему?

– Вить. – Глеб тяжело вздохнул, ссутулился, поворачиваясь ко мне. Посмотрел проникновенно, взглядом побитой собаки. – Нам бы поговорить.

– Мы сейчас разговариваем, – ответил я холодно, огибая стол и направляясь к выходу. – Будут вопросы и предложения, пиши. Или звони, но не обещаю, что отвечу. Всё общение вне офиса через секретаря.

– Стой, Вить! – он преградил путь, глаза так и забежали, пытаясь мой взгляд поймать. Хер тебе, предатель. Скажи спасибо, что вообще с тобой разговариваю.

– Уйди, – процедил я сквозь зубы. Кровь запульсировала в висках, раздувая вены с такой силой, что того и гляди лопнут.

– Нам всё равно придётся поговорить, – сказал Глеб, сдвигаясь в сторону. – Можешь сколько угодно голову в песок прятать, но это неизбежно.

– Что ты мне хочешь сказать? – я сделал шаг навстречу, сердце забилося так быстро, что стало тяжело дышать. – Расскажешь, как на жену мою полез? Мне подробностей не надо.

Несколько секунд мы молча мерились взглядами. Я ждал. Ждал, что он заговорит и наконец получит по роже. Смачно

так получит, как тогда врезать надо было. Но Глеб молчал, упрямо не отводил глаза. Не двигался, только крылья носа раздувались.

– Так я и знал, – бросил я, толкнул плечом и вышел. На ходу попрощался с Кристиной, мысленно пожелав ей мозгов – у неё вроде как жених есть, но когда это Глеба останавливало?

Пока добирался до ресторана, где с проектировщиком пообедать договорились, успел успокоиться. Глеб прав, взрыв неминуем, но хотелось оттянуть его по максимуму, хотя навряд ли получится. С его появления нарыв назревал, разбухая и воспаляясь, и если не вскрыть, станет только хуже. Отлично это понимал, только... Только нихрена не понимал. Ни что он здесь на самом деле делает, ни зачем пытается убедить, что хочет наладить отношения. Они нам обоим не нужны.

Освободиться получилось раньше задуманного, успею домой до четырёх вернуться, сделаю Насте сюрприз. Только в школу заехать осталось. Уже паркуясь вспомнил, что не позвонил учительнице. Мы на три договаривались, а я не проверил, подошла она уже в школу, или ещё нет.

Оказалось, на месте. Поначалу даже не узнал, подумал, старшеклассница в актовом зале сидит, тоже Викторию Максимовну ждёт. Или студентка, на практику заскочившая. Сколько же ей лет на самом деле? Без макияжа и строгого костюма девчонка совсем: русые волосы в простой хвост со-

браны, джинсы, кеды. А когда улыбнулась и честно призналась, что домой поскорее хочет, что-то вроде симпатии внутри шевельнулось.

– Давно вы здесь? – спросил, забираясь на сцену и рассматривая сваленные в кучу декорации.

– Нет, – беспечно ответила она, становясь рядом. Едва-едва до плеча макушкой достала, а мне казалось, повыше будет. – С девяти.

– С девяти?

Надо же. Не думал, что у неё субботы настолько загружены.

– У учителей не бывает выходных, – сухо ответила Виктория, поджимая губы. Добавила едко: – Так родители считают.

– У родителей тоже с выходными туго, – парировал я, чувствуя, как возвращается знакомая неприязнь.

– Спасибо, что согласились помочь. – Она протянула несколько листов.

– Что это?

– Чертежи, по которым надо собирать, – терпеливо, как маленькому ребёнку, ответила Виктория. Я недоверчиво на неё посмотрел. Чертежи, серьёзно? Вот эти каракули?

– Хотелось бы мне посмотреть на курицу, которая рисовала их отрубленными лапами.

– Очень приятно познакомиться, это я.

Чёрт. Некрасиво вышло. Виктория нахохлилась, отошла

на край сцены, сделав вид, что внимательно рассматривает бархатный занавес.

– Простите. – Нет, я правда раскаяние почувствовал. Не всем дано хорошо чертить. – Просто я... Я просто к другим привык. Эти ничего, главное, что можно разобрать.

– Ну спасибо, – едко ответила она, оборачиваясь. Брови нахмурены, в глазах чистая, неразбавленная неприязнь. Ну, молодец, Голицын, нечего сказать, пришёл налаживать отношения с учительницей дочери...

– Простите. – Как одним взглядом она заставила чувствовать себя последним подонком? Рука сама потянулась к затылку, я рассеянно взъерошил волосы и посмотрел на зал. – Просто день такой... идиотский... Не стоило на вас срываться. У вас поставленная рука, только вы...

– Перестаньте, – перебила Виктория устало. – Правда, перестаньте. Вы же строитель, так? Понятное дело, мои чертежи для вас как для меня рисунки трёхлетки против эскизов выпускника художки. Там правда можно что-то разобрать? Если нет, попытаюсь объяснить на пальцах.

– На пальцах не надо, – улыбнулся я невольно. Один – один, я прошёлся по её творчеству, она вызвала вину. – Просто помогайте, когда попрошу.

– Не против музыки? – Виктория достала телефон, помахала им в воздухе.

– Почему нет?

Я ожидал чего угодно. Правда, от Чайковского до Зиверт,

но то, что телефон вдруг закричал так, словно рождает демона в муках и никак не может разродиться...

– Ой, простите, – густо покраснела она, убавляя звук. Не сразу дошло, что это звонок. Виктория легко спрыгнула со сцены и отошла, тихо отвечая. Когда вернулась, я успел собрать первый домик. Несложная конструкция: фасад и опоры позади.

– Ещё раз простите. Подруга вернула звонок, который я поменяла перед школой.

– На уроках он тоже так звонит? – невинно поинтересовался я, собирая следующий домик. Улыбка дрожала в уголках губ, стоило вспомнить испуганное выражение её лица.

– Нет, конечно! – возмутилась она, и в этот момент я поймал взгляд. Не так даже: взгляд. Серые глаза, такие глубокие, опущенные густыми ресницами, без грамма косметики. Такой один раз увидишь – никогда не забудешь.

– Я шучу, – сказал зачем-то.

Виктория не стала отвечать. Включила что-то нейтральное, попсовое. Через час всё было закончено. Расставив декорации, мы переглянулось.

– Ну что, по домам? – спросил я бодро. Скорее бы: до времени, обещанного Насте, успею документы просмотреть.

– Да! И, Виктор, – она дружелюбно улыбнулась, – спасибо за помощь.

– Не за что, – ответил и ляпнул, не подумав: – Обращайтесь, если что.

Кто только за язык тянул? Потянул и дальше, когда я предложил:

– Вас подвезти?

– Спасибо, нет. Я недалеко живу.

Ну да, недалеко. Я тут с трудом квартиру снял, сколько же она получает? Или кто-то содержит? Любовник? Муж? Кольца вроде нет, но это не показатель. В любом случае, это не моё дело. Девушка красивая, что бы ей одной быть?

– До встречи, – сказала она, когда я спустился со сцены. Встречи? Значит, ещё помощь понадобится? Ну точно, нахрена ляпнул?

– На спектакле, – уточнила, заставив закатить глаза. Неужели так легко мысли прочитала?

– Я приду, – ответил, а прозвучало, как обещание. Конечно приду, как такое пропустить можно?

– Мы будем ждать. Ну, то есть, не мы, а Настя. Дети вообще родителей на таких праздниках очень ждут.

– Это я ещё по садику помню. – Вот это вообще зря сказал. Прозвучало так, словно хвастаюсь. Рука снова к шее потянулась, дурная привычка – как нервничаю, тереть начинаю. – До свидания, Виктория Максимовна.

– До свидания.

Хватит. Так до утра прощаться можно. Дань вежливости отдал, и ладно. Кивнул и вышел, пока в спину не полетели новые вопросы и предложения.

Девятая глава

Дождь барабанил по стеклу, дома было тепло и уютно, на плечах лежал любимый плед, в ногах мурлыкал Леви, рядом стоял кофе, впереди воскресенье – вроде бы всё прекрасно, живи и радуйся. Но я никак не могла поймать чувство долгожданного покоя. Последний час все мысли так или иначе сводились к Голицыну, и я никак не могла прогнать его из головы. Этот мужчина состоял из противоречий: то раздражающий, просто невозможный, то вежливый и обходительный. Какой из них настоящий решить до сих пор не получалось.

За два часа, что мы провели вместе, первоначальное впечатление о нём начало понемногу меняться. По крайней мере, руки у него точно из нужного места росли, работой не брезговал, хоть и дал понять, что не рад тому, что выдернули на выходной. Может, на самом деле дела были утром – я поймала себя на мысли, что начинаю оправдывать тот разговор по телефону. И тут же мысленно дала себе подзатыльник: нечего! Права Ленка, такие мужики до добра не доводят. Сперва перевернут твою жизнь с ног на голову, потом душу вытрясут и исчезнут, попутно разбив сердце.

В том, что Голицын тот самый разбиватель сердец я практически не сомневалась. Невозможно не быть им с такими зеленеющими глазами, согревающей улыбкой и потрясаю-

щими руками. Да, я залипала на его руки всякий раз, когда помогала придержать декорацию и невольно сравнивала свою ладошку с широкой мужской. Пальцы длинные, ухоженные, ладони крепкие, наверное, чувствовать такие на себе сплошное удовольствие... Так, надо притормозить, а то меня куда-то понесло.

Голицын женат, это раз. Он отец моей ученицы, это два. В мою сторону никакого интереса не проявляет, это три. И, даже если бы проявлял, мне отношения не нужны. Это, наверное, четыре, но почему я поставила себя на последнее место? Ленка сказала бы, что это оговорочка по Фрейду, и тут я с ней полностью согласна. Неужели начала на него западать?! Серьёзно, всего после трёх встреч и нескольких фраз?

Тихо застонав, я откинула голову на спинку дивана и закрыла глаза. Перед ними моментально вспыхнуло лицо Голицына, да так ярко, что пришлось потереть веки, чтобы прогнать. Это просто от скуки. И оттого, что больше пап в комитете нет, вот внимание невольно переключается на единственного. Обычный интерес к родителю, ничего больше. Голицын по-прежнему высокомерный сноб, и внимания заслуживает не больше, чем остальные родители.

Мы будем ждать.

Я что, реально это сказала? Он заметил? Подумает теперь, что это я ждать буду? Да что б тебя! Уйди из моей головы немедленно!

Жаль, у Ленки сегодня корпоратив, а то позвала бы к себе.

Придётся в одиночку сражаться со своими демонами, благо, питаться им нечем: каждую фразу и каждый взгляд я уже разобрала на атомы.

К понедельнику наваждение сошло на нет, оставив лёгкое послевкусие, которое быстро смылось школьными буднями.

Звонок на перемену для первоклашек всегда звучит, как сигнал к действию. Вот и сейчас они подорвались с места, моментально забыв обо всём и обо мне в том числе. Сентябрь постепенно подходил к концу, зачатки дисциплины только-только стали проявляться.

– Виктория Марковна, там Настя в туалете плачет! – к столу подбежала Польцева Света, невысокая девочка с большими оленьими глазами.

– Что случилось? – нахмурилась я. Дразнить Настю не перестали, но мне казалось, она к этому относится равнодушно, по крайней мере, не показывает, что задевает. Пару раз я влезала, но в основном оставляла детей разбираться самостоятельно – стану на её сторону, и будет хуже. Могут ещё в любимицы записать. Дети в любом поколении дети, нынешние были не исключение: найти слабость и проверять на прочность, тут либо сдашься и сломаешься, либо выстоишь и потом станешь с теми, кто обзывал, лучшими друзьями. Курс детской психологии в голову намертво въелся. Конечно, если бы стали переходить границы, вмешалась бы без раздумий. Сперва беседа с детьми, не поможет – с родителями. Неужели сейчас именно такой случай?

Настя на самом деле нашлась в туалете, только уже не плакала. Стояла у окна, шумно хлюпая носом.

– Настя, ты чего, что случилось? – Я присела перед ней, попыталась поймать взгляд.

– Ничего, – на удивление ровно ответила та.

– Кто тебя обидел?

– Никто.

Даже не сомневалась, что молчать, как партизан, будет. Характер у неё стальной, что-то подсказывало – явно не в дразнилках дело.

– Ей Платон сказал, что, раз мама бросила, значит, не любила никогда, – доложила Света. Она вместе со мной в туалет пошла. Вокруг сновали дети, перемена вот-вот закончится, разговаривать по душам мягко говоря было неудобно.

– Пойдём. – Я поднялась, протянула Насте руку. – Вернёмся в класс. Если хочешь, после уроков поговорим. А мама... – заметив, как Настя вздрогнула, я мягко завершила: – Мама тебя очень-очень любит, поверь.

– Правда? – детская ладошка доверчиво легла в мою, а в глазах зажглась такая надежда, что сердце заболело.

– Правда, – кивнула я.

Вот, значит, как. Стало ещё интереснее. Значит, мама ушла из дома. К другому? Но почему тогда дочь на папу оставила, с собой не забрала? Такое в моей практике впервые, что думать не знаю. Насколько ей с мужем плохо было, что бросила всё, включая дочь?

После уроков Настя оставаться не стала, но я, если честно, и не ждала. Пока для неё чужая, доверять сложно. На будущее сделала пометку: обязательно разговорить, не для того, чтобы семейные тайны вызнать, а чтобы убрать неуверенность в себе, которой, оказывается, в Насе много.

Репетиции проходили каждый день, порой в классе, иногда в актовом зале. Постепенно дети втянулись, многие уже полностью знали свой текст, но оставались такие, кому стихи давались с трудом. Например, Ногач Платон. Его мама мне уже мозг чайной ложкой выела жалобами, что много, трудно, скучно и вообще не современно. С последним я бы может согласилась, только не от меня зависит выбор. В Министерстве сказали упор на детскую классику делать. Я бы, может, «Мой сосед Тоторо» поставила, но кого волнуют мои предпочтения?

Эта же мама, к слову, изначально главную роль просила и обещала, что сын всё-всё выучит. Вот так мы и получили своего Балду. Снимать уже поздно, а текст он с горем пополам через абзац знает.

– Глупенький бес, куда ты полез, нести не можешь, а я ногами промеж...

Платон путался. Согласна, текст сложный, но выучить всего несколько фраз – за автора я читаю. Надо было настоять и ставить «Конька-горбунка», там хоть слова попроще. Но директор настоял, сказал: школа у нас элитная, детки все умные, тесты при поступлении прошли, значит, выучат. Са-

мого бы его сюда отправить и пусть любитесь...

– Глупый ты бес, куда ж ты за нами полез? И руками-то снести не смог, а я, смотри, снесу промеж ног, – раздалось в тишине. Платон зло посмотрел на Настю, покраснел и закричал:

– Заткнись! Заткнись! Это моя роль! Я знаю, как надо!

От этого визга я оторопела. Платон часто вёл себя агрессивно, но чтобы так орать... Секунда, и в Настю полетела книга и ударила ребром по лбу.

– Платон! – я подскочила со стула, бросилась к Насе. Сердце выскакивало, ладони заледенели: первое чп! На Настином лбу наливалась шишка, в глазах стояли слёзы.

– Платон, ты что творишь? – грозно спросила я, выпрямляясь. Он, надувшись, стоял на сцене, скрестив руки на груди, явно копируя чью-то позу.

– А нечего лезть туда, куда не просят, – заявил он. Я с тоской подумала, что он вообще не раскаивается, тут беседой не обойдёшься.

– Я сейчас отведу Настю к медсестре, а вы сидите тихо, – сказала, особо не надеясь на тишину. И что делать? Попролам разорваться? Позвонила Тамаре, тоже учительнице начальных классов. Может, она посидит с моими, если не ушла. Повезло.

– Что, уже дерутся? – Тамара работала здесь уже десять лет. Сходу оценив обстановку, отправила нас в медпункт, а сама прикрикнула на детей, призвав к порядку.

– Болит? – спросила я Настю, пока спускались. Она не проронила ни слезинки, но я видела, они плещутся в глазах, такие горькие, что хочется обнять и пожалеть.

– Нет, – соврала она.

– Я позвоню твоей няне, она заберёт домой.

– Софья Львовна до трёх занята, к врачу пошла. – Настя прерывисто вздохнула и прикусила губу.

– Тогда позвоню папе.

Мы уже дошли до медпункта.

– Папа работает.

– Ради тебя приедет. – Если честно, в это верилось слабо, но я вложила всю уверенность в слова, чтобы успокоить. Насте сейчас не моё утешение нужно, а кого-то близкого.

Пока медсестра ворковала, аккуратно щупая лоб, я вышла и набрала Голицына.

– Слушаю, – он ответил не сразу.

– Здравствуйте, Виктор. Простите, что отвлекаю, но вам надо срочно приехать в школу.

– Что случилось? – из делового голос моментально стал взволнованным.

– Ничего страшного. Точнее, дети немного повздорили и... – Я путалась, не зная, что сказать. Впервые за четыре года работы такое случилось, что сказать? – У Насти на лбу шишка, лучше забрать домой. Она сказала, что ваша няня...

– Да, у врача, – перебил он. – Скоро буду.

Надо же. Я с удивлением уставилась на телефон. Не дума-

ла, что так быстро отреагирует. Теперь второй звонок, маме Платона, и пусть между собой разбираются. Ох, кажется, сегодня я домой не скоро попаду...

Десятая глава

Сдача «Изумруда» затягивалась, и я, хоть убей, не мог отделаться от мысли, что Глеб приложил к этому руку. Глупо, конечно, тем более сам с энергетиками встречался, но личную неприязнь никуда не деть. Двери ещё эти стеклянные, сидишь, как в аквариуме, и всё бы ничего, только Глеб постоянно перед глазами маячил. Смотрел на меня, как на девицу в Амстердаме, хотя шлюха из нас двоих он, не я...

– Победа! – Как мысли прочитал: нарисовался в кабинете, размахивая бумажками. – Вить, они одобрили, подключим и вперёд!

– «Изумруд»? – отличная новость придала сил, даже второе дыхание открылось. – Что электрики, сроки не сдвигали, за неделю управятся?

– Первая очередь будет сдана двадцать восьмого, вторую обещают к середине октября подключить. – Глеб пересёк кабинет и по-хозяйски небрежно устроился в кресле. Закинул ногу на ногу, широко улыбнулся, но сейчас даже это не испортило настроения.

– Третья очередь будет готова к февралю, – протянул я, листая разрешение от энергетиков на подключение к городской сети. Посмотрел на Глеба, с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться в ответ. Первая большая стройка под моим руководством завершена. Да, были трудности, пришлось вы-

купать всё у обанкротившейся фирмы, договариваться о цене с дольщиками, терять деньги, но теперь всё наладится.

– Надо запускать новую рекламу и объявлять старт продаж в сданном доме, – сказал, а сам представил новый жилой комплекс, большой, светлый, современный. Не бизнес-класс, но ничего, до этого ещё дорастём, пока главное бюджетное жильё качественным делать, репутацию зарабатывать. Вынужденный простой и откладывание сдачи по этой репутации ой как били...

– Уже, – кивнул Глеб, отбросив веселье. Он всегда был такой: от расхлябанности до серьёзности щелчок пальцев. – С маркетинговым отделом утром обсудил новую стратегию, к среде выкатят макеты баннеров и рекламу на телевидении и в интернете. Предлагают ещё флаеры делать, но я сомневаюсь. Люди, что готовы миллионы платить, не будут переходить по сомнительным бумажкам.

– Может быть. А может быть и нет.

В словах Глеба был резон, как бы я ни хотел этого признавать. Да и рекламный бюджет не резиновый. Но если хоть один придёт и купит, флаеры окупятся разом. Я покосился на Глеба: сидит, снова лыбится, словно мысли мои читает.

– Обсудим?

От ответа отвлёк телефон. Покосившись на экран, я пересёкся с Глебом взглядом, и тот понятливо замолчал. К окну заинтересованно отвернулся. Боровицкий звонил впервые после нашей встречи, и сердце внезапно застучало быст-

рее: неужели нашлась Диана?

– Виктор Маркович, Боровицкий. По нашему делу: вы не могли бы заехать в офис к пяти?

Я покосился на часы: половина второго.

– Надеюсь, новости хорошие, – вырвалось невольно. Разнервничался, представив, что могу совсем скоро с Дианой встретиться.

– Для вас да. При встрече расскажу.

– Буду к пяти. До свидания, Аркадий Борисович.

Только телефон отложил, во внимательный взгляд упёрся. Глеб смотрел, склонив голову набок, словно ждал, что я сейчас возьму и выложу, с кем говорил и о чём.

– Это личное, – отрезал, пресекая любые вопросы.

– Аркадий Борисович? – задумчиво сказал Глеб. – Поймай, не Боровицкий ли? Вить, ты что, до сих пор не развёлся?

– А то ты не знаешь, – холодно ответил я. Хорошо же общались, нахрена опять лезть с прошлым? Только в работе я мог забыть, что именно Глеб сделал. С кем. И на тебе, опять под дых точным ударом.

– Я не видел Диану с того дня, – неожиданно признался Глеб, отворачиваясь. На этот раз просто потому, что не хотел смотреть в глаза – отчётливо понял я.

– Ты хотел сказать: с ночи, – не смог удержаться от сарказма. Рад был бы забыть, но она впиалась в подкорку, в мельчайших деталях. Даже цвет трусов Глеба отчётливо запомнил.

– Прости. – Глеб опустил голову. – Если ты когда-нибудь позволишь объяснить...

– Этому нет объяснения. И никогда не будет. Лучшие друзья не вонзают нож в спину.

– Лучшие друзья не... – он осёкся – у меня снова зазвонил телефон. На этот раз учительница. Тревога стиснула, перехватило дыхание: что-то с Настей? Невнятный лепет на другом конце сделал только хуже – если бы это была обычная шишка, Виктория Максимовна не мямлила бы, а сейчас голос буквально дрожал от страха. Договаривал я, уже поднявшись и срывая пиджак с кресла.

– Ты куда? – не удержался Глеб, за что заслужил раздражённый взгляд. – Что-то серьёзное?

– Для тебя – нет, – ответил, мигом забыв и о нём, и о наших проблемах. Пока по городу мчался (хотя больше в пробках стоял), успел придумать сотню вариантов, один другого хуже. Настя что-то сломала? Ей стало плохо? За обтекаемым словом «ушиб» может крыться сотрясение. Стоит ли вызвать скорую, или ехать сами в приёмное?

Огромные глаза Виктории сделали только хуже. От волнения можно начать сходить с ума, это я знал. Каждая болячка Настина приводила в состояние неконтролируемого ужаса и желания забрать её себе.

– Где она? – спросил, вместо приветствия. То, что Виктория вышла встречать перед школой, практически довело до сердечного приступа. Аритмия точно обеспечена.

– Всё в порядке, Виктор, не волнуйтесь, – заговорила она, а у самой голос дрожит, и руки ходуном ходят. Поспешила к дверям, рассказывая на ходу: – У нас есть один мальчик, Платон... Не скажу, что у него сложный характер, просто... Он разозлился на Настю и бросил в неё книгу.

– Книгу? – переспросил я тупо, останавливаясь посреди коридора. – То есть, у неё на самом деле просто шишка, ничего серьёзного?

– Нет. На самом деле просто шишка, – заверила Виктория, глядя настороженно. Боялась, наверное, что я кричать начну, а у меня от облегчения язык к нёбу прирос, и ноги ослабели. До кабинета мы дошли молча. Первым делом увидел Настю, бросился к ней, на колени опустился.

– Ты как, мышь? Очень больно?

Лоб был помазан йодом, небольшая ссадина поверх шишки, но больше никаких травм не наблюдалось.

– Ничего, скоро пройдёт, – ответила Настя, счастливо улыбаясь. – Спасибо, что приехал так быстро.

– Только не бери в привычку так меня от работы дёргать, – сказал, улыбнувшись в ответ. Хотел привычно лбом боднуть, опомнился и мягко погладил по щеке.

– Ладно, раз уж у меня появилось время, давай до прихода Софьи Львовны мороженого поедим.

– Лучше пиццу.

– Пусть будет пицца.

Мы взялись за руки, собираясь уходить, когда Виктория

удивлённо спросила:

– Вы разве не хотите поговорить с мамой Платона? Она вот-вот приедет.

– А надо? – общение с истеричными мамашами в планы не входило. Да, парень у неё, наверное, тот ещё, но это не меня – её должно касаться. Конечно, приятного в том, что случилось, мало, но, вспоминая свои школьные годы, я подумал, что книгой по голове не самое страшное, что может случиться. Только сейчас заметил надувшегося мальчишку, сидевшего в другом конце класса. На меня он смотрел настороженно, наверняка ждал хорошей взбучки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.